

Роман Богословский - Какова реальность, таков и реализм

Ближе к весне зашевелилась липецкая литература! В самом начале 2013-го года в московском издательстве «Дикси-пресс» вышла дебютная книга главного редактора журнала «Рублевка LIP» Романа Богословского «ТЕАТР МОРД». Сборник включает в себя скандальную повесть «Мешанина» и 10 разноплановых рассказов. «Мешанина» — это повесть о скрытой стороне литпроцесса в России. В главных героях искушенный читатель без труда узнает пятерых известных писателей, чьи имена не сходили с телеэкранов и страниц газет в девяностых и нулевых.

«Культурный сайтик» публикует интервью с Романом и один рассказ из книги «Театр мод» под названием «Переспали».

Долго ли ты шёл к изданию книги? Почему именно издательство «Дикси-пресс»?

Идея попробовать издать что-то свое пришла мне в голову году в 2007-ом. Но произведения были, мягко говоря, не готовы к печати. А уже жарким летом 2010-го я написал свою первую повесть. Она называется «ВВВ». Издательства и журналы отметили хороший язык, форму. Но содержание их смутило: уж очень маргинальной эта повесть им показалась. Но сейчас я рад, что ее не напечатали. Тогда я еще не нашел в литературе себя, занимался эпигонством и подражательством. Через некоторое время я два раза победил в конкурсе «Новые писатели», объявленном издательством «Дикси-пресс». Поэтому ничего удивительно в том нет, что моя первая книга вышла именно у них.

В одном интервью ты сказал, что массовость твоей литературе не нужна. Почему? Для кого твоя книга?

В книгу «Театр морд» вошла повесть «Мешанина» и несколько рассказов. Повесть предназначена больше для фанатов литературы, искусства вообще, ибо в ней поставлены очень острые вопросы прошлого, настоящего и будущего русской литературы. Думаю, для полного понимания произведения нужна некоторая подкованность, осведомленность в вопросах литературы. А рассказы придутся по вкусу всем думающим людям.

В «Мешанине» речь идёт о специфическом кружке писателей, которые очень похожи на некоторых реальных литераторов. Почему именно они?

Все просто. Книги именно этих авторов показались мне наиболее радикальными, своеобразными и талантливыми среди всего круга моего чтения. Это писатели-новаторы, первопроходцы каждый в своей прозе; каждая их книга — настоящее событие. Вполне естественно, что мне захотелось высказаться на эту тему, порассуждать о том, как эти направления в литературе будут меняться. И к чему это может привести.

Ты против жестокости и «чернухи» в литературе?

В литературе я только «за!» любые начинания. Просто наступает момент, временной перелом, когда необходимы изменения, корректировка себя как автора. Я просто

почувствовал, что переходный период от вседозволенности к литературе нового времени подзатянулся. И вот, решил немного ускорить ход событий (смеется).

Меня всегда интересует такой вопрос: где лучше художнику — в провинции или в столицах? Есть ли разница, на твой взгляд?

Этот вопрос стоит всегда именно в России. Право, ну какая разница в штатах, где живет Стивен Кинг, не правда ли? У нас же уже привыкли: если ты не в Москве, то значит нигде. Нет, для литературы это неактуально. Писатель Герман Садулаев жил в Северодвинске. Захар Прилепин и сейчас живет в деревне под Нижним Новгородом. Главное иметь доступ к Интернету, чтобы была возможность общаться с нужными людьми, пересылать рукописи. И иногда выезжать в столицу для различных встреч, которых у писателя всегда много.

Рома, а ты не думал о том, почему современные деятели искусства постоянно стараются вылить продукты своих негативных рефлексий на читателей?

Уж как есть! Не копить же в себе? (смеется) Однажды музыкант Глеб Самойлов сказал: «Хард-рок слушать невозможно, его можно только играть».

Ты считаешь, что конец постмодернизма в литературе близок? А что за ним? Сильно ли отличается «новый реализм» от старого?

Считаю, что близок. А вот что последует за ним, мне и самому очень интересно. «Новый реализм» отличается от старого тем, что изменились сами времена. Сейчас людям не очень интересны мучения Грушеньки из «Братьев Карамазовых» или Татьяны из «Евгения Онегина». На дворе время революций, перемен, информационных войн. И, соответственно, какова реальность, таков и реализм.

Ты говоришь о том, что «толстые» литературные журналы — это отмирающая ветвь. Почему?

Толстые журналы — это поистине наш советско-российский феномен. Но свою сакральную природу они начинают терять. И именно из-за закрытости перед новым. В одном журнале мне как-то сказали: «Мы Пастернака печатали! С какой стати мы должны печатать тебя?» Но они забывают одно, что и Пастернак был когда-то начинающим писателем. И если б ему тогда отказали, не было бы у нас сейчас великого Пастернака, лауреата Нобелевской премии по литературе. То есть откуда братья новым именам, если их не берут, считают за дерьмо? Моему знакомому прозаику как-то пришел из очень уважаемого «толстяка» такой ответ: «Вы — бездарны. Просьба больше не высылать сюда свою прозу». И как это назвать?

Мне показалось, что рассказ «Переспали», который ты прислал для публикации на «Культурном сайтике», похож на прозу Прилепина, нет? Я ошибаюсь? Или дело в излишнем реализме?

Вы, Алена, мне льстите. На Прилепина быть похожим очень трудно — он очень своеобразно пишет. Да и не стоит на кого-то походить. Этот этап мною давно пройден. Просто Захар довольно часто пишет на грани тихой грусти и неизмеримой внутренней радости. Именно этот внутренний импульс и дает тебе ощущение схожести.

Но и в нарочитой «жизненности», может, тоже схожесть есть. Хотя моя концовка идет вразрез с нынешней реальностью, если задуматься.

Мог бы ты порекомендовать нашим читателям 5-6 книг современных авторов, которые обязательно нужно прочесть (не считая твоей, конечно)?

У всех разные вкусы, поэтому сложно как-то для всех рекомендовать. Перечислю пять книг, которые очень мне понравились за последние несколько лет (из российских): Михаил Елизаров «Библиотекарь», Платон Беседин «Книга Греха», Захар Прилепин «Санька», Дмитрий Липскеров «Пространство Готлиба», Роман Сенчин «Лед под ногами», Владимир Сорокин «Моноклон».

Роман Богословский

Переспали

Апрель — мой любимый месяц. И особенно апрельские ночи: снега уже нет, льет вялый дождь, и город спит, укрывшись одеялом мглы. Я ощущаю запах межсезонья, гостившего в нашем городке.

Устав от дневного безделья, решаю поработать ночью. Серый апрель манит; накидываю куртку, выхожу в подъезд.

Я работаю в такси уже два года. За это время мой старенький «Пежо» натерпелся такого! Кресла жгли сигаретами, обливали пивом и вином; забывали мороженое, которое, подтаяв, капало на коврик. Много, много раз!

Бывало, пассажиры били друг другу морду. Случалось, били и мне. Кровь отмывается хуже всего. А своя кровь выводится хуже худшего.

Выхожу на улицу. У подъезда — огромная лужа. Я рад ей. Мне тепло. Мягкая, дождливая ночь.

Сажусь в машину, завожу мотор, включаю рацию, говорю:

— Приветствую. Троечки на маршруте. Жду заказов.

Рация нехотя просыпается, начиная свою шипящую жизнь. Мне сообщают:

— Троечки, принято. Где вы?

— Я у дома, проспект Мира, — отвечаю.

— Хорошо, ожидайте, — говорит женский голос без тени эмоций. Это Таня — диспетчер до мозга костей.

Дергаю рычаг под креслом вверх, отодвигаю сидение. Закуриваю, включаю радио. Звучит знакомая мелодия — группа «Joy», песня «Touch by touch». Молча курю, слушаю. В наполовину открытое окно изредка попадают капли. Это хорошо! Это правильно!

— Троечки? — врывается в мою гармонию голос Тани.

— Троечки, — отзываюсь я.

— Салютная, три, квартира восемнадцать. Заберешь?

— Заберу.

Выруливаю на проспект. Еду как по Берлину — ни одной ямы. Я все их давно знаю. Мастерски объезжаю выбоины. Лужи приветливо блестят, я наслаждаюсь приятным звуком, который производят шины. Мокрый асфальт. Это правильно.

Дороги свободны — необъяснимая радость. Через десять минут я на месте. Подъезжаю к подъезду. Сырость и тьма. Место жутковатое. Закрываю окна: мало ли что? Жду.

Выходит мужик. Адекватный, вполне себе трезвый, что большая редкость среди ночных клиентов.

Подходит, добро так, застенчиво спрашивает:

— Вы, вероятно, за мной? Такси «Ваш путь»?

— Да-да, садитесь! — отвечаю я. — И каков ваш путь? Куда едем?

— Шеф, довези до Птичьего рынка! Я там выйду, мне оттуда ближе будет, — усаживается мужик.

Ненавижу это казенное «шеф». Сразу вспоминается пошлый одесский таксист в кепке из фильма «Брат 2», тот самый, что рассуждал про русскую идею и Достоевского. Ничего не поделаешь — терплю.

Завожу мотор, говорю в рацию:

— Троечки, Тань.

Она:

— Троечки...

— Пассажира забрал, еду на Птичий рынок. Через двадцать минут — там. Буду в том районе стоять по освобождению.

— Хорошо.

Клиент начинает говорить. Бывают такие: недостаток общения выплескивается, как темная вода из-под колес моего «Пежо». Ночь, дождь, межсезонье, а он веселый. Рассказывает что-то про дочь Катю, которая не смогла поступить в институт, про жену, у которой обнаружили пятно на легком. В промежутках между Катей и женой успевает делать отступления на тему климата и погоды: «Черт знает, что с природой творится! Наверное, конец света близок». Потом молчит минуту, смотрит в окно, в дождь. И добавляет: «Хотя как свет может закончиться?» «Тебе виднее», — думаю я и прибавляю скорость.

— Да-да. Вот тут, земляк, выйду. Дальше я уж сам...

Выходит, хлопает дверью. Аккуратно так, корректно, как будто извиняясь. И это хорошо. Это правильно.

Пересчитываю деньги. Все ровно, как надо. А не ровно — и плевать. Апрель, межсезонье.

Беру рацию:

— Тань, троечки...

Не слышит. Орет на кого-то: «Я же сказала — со стороны «Перекрестка» въезд! Клиент ждет уже полчаса! Вы совсем там, что ли?!»

Интересно, что она имеет в виду под этим «совсем»? Уверен, что ей нет дела до апреля, до межсезонья. И это плохо. Это неправильно.

Повторяю ей:

— Троечки, Тань, свободен.

Наконец-то слышит. Отвечает:

— Троечки. Селезнева, двенадцать «а», третий подъезд. Квартиру не спросила, забыла...

«Забыла, а орешь на нас, что подъезжаем не с той стороны. Апрель. Ночь. Дура!» — думаю я.

Говорю ей:

— Тань, заберу через несколько минут...

Снова еду и слушаю шум воды под колесами: такой приятный, родной. Еду через дворы, разрезая ночной апрель светом фар. Невольно вторгаюсь в сонный мир многоэтажек, где спят дети и взрослые, открыв форточки навстречу межсезонью.

Девушка ждет на улице. Даже сквозь мглу видно, что она крайне привлекательна. Светлые волосы окрашены в серый: апрель, межсезонье. Точеное тело — оно кажется подвижным, как бы покачивается в объятиях мороси. Она стоит в луже — апрель! Высокие сапоги не дадут ей промокнуть. Эта мысль согревает меня изнутри. Замечательные ноги, просто чудо! Мысленно пытаюсь заставить дворники работать быстрее: хочу рассмотреть ее, пока она об этом не знает. Ноги! Они плавно, сантиметр за сантиметром расширяются к икрам; там мне побывать не дано. Они разрешаются стройным аккордом в прекрасную законченность, завершенность, в целостность изящного объема; там, под юбкой средней длины, все великолепие видит другой, такой родной ей и близкий — я лишь дорисовываю картину в воображении, он же видит ее в реальности. И это плохо. Неправильно.

— Здравствуйте. На площадь Восстания отвезете? Дом три... Там, рядом с магазином...

— Конечно, садитесь, — говорю я и ловлю себя на мысли, что пытаюсь понравиться ей.

Она садится. Стараюсь не смотреть на ноги — смотрю на лицо: оно влажное, одухотворенное. Лицо, пришедшее из весенней ночи...

На этот раз заговариваю сам:

— Не страшно вам так поздно ездить?

— Знаете, совсем нет! — весело отзывается она. — Я ничего и никого не боюсь. Кроме мужа: злой он у меня — пьет и дерется. А я его люблю! Вот сейчас еду домой от подружки.

— И сильно бьет? — строю я из себя заступника.

— Когда как, — отвечает она. — По-разному бывает. Я — Женя. А вас как зовут?

— Михаил, — представляюсь я.

Она достает из сумки резинку для волос, делает хвост. Говорит:

— Очень приятно, Михаил. Волосы мокрые — лучше собрать.

— Наверное, — отвечаю я.

Пытаюсь разговаривать с ней — задаю вопросы про мужа. Изредка бросаю взгляд на колени. Колени! И выше... И до роковой черты, до юбки. А дальше — его царство. Того, который бьет и имеет право видеть все. И прикасаться.

Она молчит. Лишь изредка комментирует попадание колес в ямы, которые в этом районе я почти не знаю.

Мы подъезжаем к подъезду; она всматривается в окна своей квартиры. Она боится мужа.

Я хочу побыть с ней еще минуту. Хочу, чтобы она не боялась.

— Давайте покурим? — говорю я.

— Вот это хорошо, это правильно, — тихо отвечает она.

Закурили. Молча сидим. Наслаждаемся апрелем, теплой ночью и мглой. Наслаждаемся друг другом. Она тушит сигарету, долго мнет окурки в пепельнице. Потом произносит:

— Михаил, а давайте с вами переспим?

Я чувствую, как сердце начинает развязно плясать в груди, вены превращаются в струны: они натягиваются, пульсируют, издают звуки. Слышит ли их она? Музыка на струнах артерий.

— Давайте, — немедленно соглашаюсь я.

Завожу мотор. Мы отъезжаем к соседнему дому. Темно и безлюдно. Здесь только мы, апрель и межсезонье. И это хорошо. Это правильно.

— Ну, что, ложимся? — с улыбкой фурии спрашивает она.

— Ложимся, — говорю я и выключаю мотор.

Закрываю двери изнутри. Отключаю рацию, не предупреждая диспетчера Таню. Передние сидениядвигаю вперед до упора. Мы снимаем обувь, укладываемся поудобнее. Ложимся, чтобы переспать. Мы засыпаем.

Мы переспали редких прохожих, что возвращались с ночных смен. Мы переспали то, как усилился дождь. Мы переспали ожидание пьяного мужа. Мы переспали раздражение диспетчера Тани. Мы переспали все, что окружало нас по ту сторону машины. Мы переспали апрель, ночь и мглу.

Проснувшись, она сказала:

— Спасибо. Как хорошо мы с тобой переспали!

Она уходит. Я не смотрю ей вслед.

Утренний свет слепит меня, играя в зеркалах старого «Пежо». Я выхожу, потягиваюсь, улыбаюсь солнцу. Все вокруг сияет, лужи почти уже высохли. Легкий ветерок покачивает чуть проклюнувшиеся листья. Он прощается с последней ночью межсезонья. И это хорошо! Это — правильно!